



Рисунок В. ГОРЯЕВА.

ВСЕГДА ВМЕСТЕ

К Р О К О Д И Л

О чём деревья говорили

ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ

Некоторые детали архитектурного оформления новых зданий напоминают ножки роялей или флаконы духов.

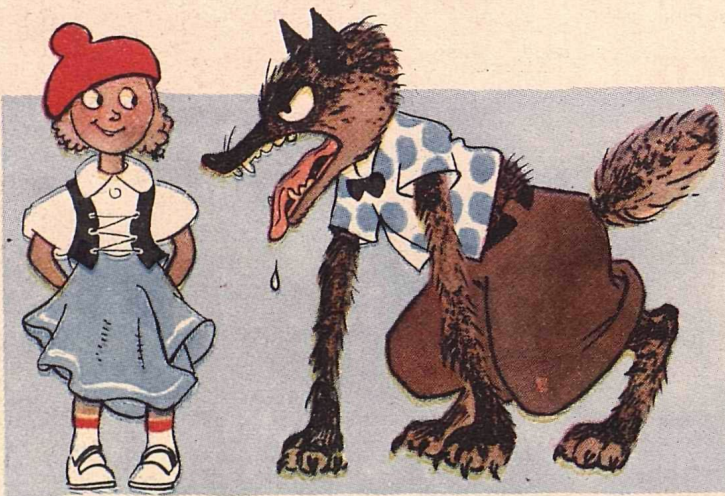
Рисунок Е. ГАЙКИНА.



Флаконы «Белой сирени», «Камелии», «Эллады» на моих проектах уже украшают здания, а дальше хоть плачь — остаётся один «Букет моей бабушки».

В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК

Рисунок А. ВОЛКОВА.



ВОЛК: — Я тебя съем!



КРАСНАЯ ШАПОЧКА: — Не по зубам!

Подслушал я в лесу дремучем
Деревьев странный разговор
И необычный этот случай
Прекрасно помню до сих пор.

Мне было слышно в грустном хоре:
— Приходит наш последний час,
В артели «Ну и мебель!» вскоре
Безжалостно распилят нас.

Раздался скорбный голос ели:
— Куда бежать? Спасаться как?
Не сыщешь хуже промартели:
В ней выпускают только брак.

Могучий дуб тут вставил слово:
— Согласен я пойти на слом,
Чем быть формально мне дубовым,
На деле — «липовым» столом.

Сосна скрипит:
— Не будет толку,
И из меня, смешно сказать,
Для книг собьют такую полку,
Что Собакевичу подстать.

Берёза плачет:
— Ох, товарки,
Нас обдерут под шум и звон,
И вот вам кресла новой марки:
«Спасай, кто может, свой капрон!»

Бук прошумел:
— Самокритично
Скажу, готов весь век стоять,
Чем кособоким, рахитичным
И рыжим, в пятнах шкафом стать.

Так вот о чём они шумели.
Кого не тронет их печаль!
Но в вышеназванной артели
Их не жалеют.
Очень жаль!

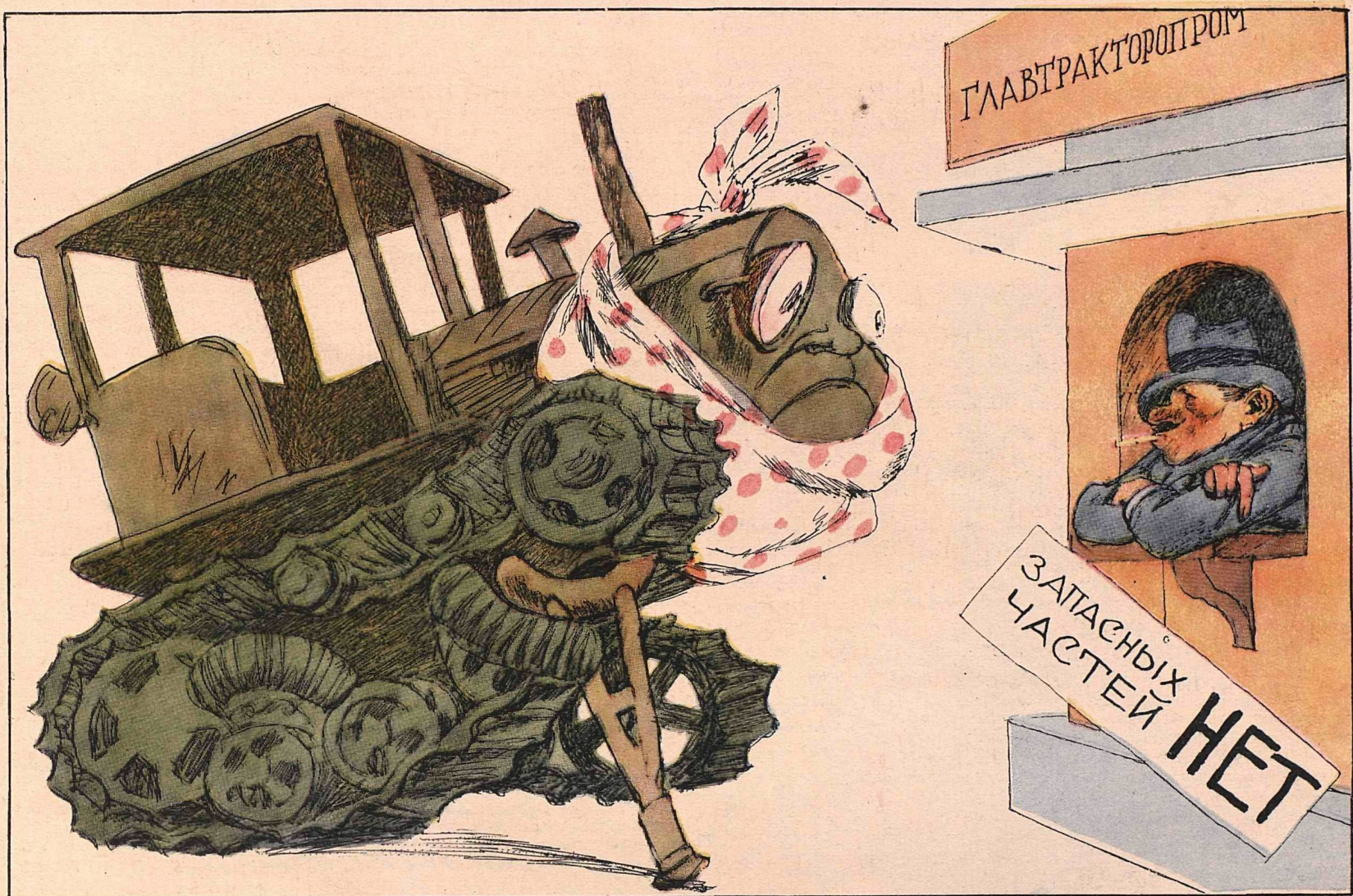
Перевёл с белорусского
А. Николаев.

ТРИ ГРАЦИИ ИЗ ПРОМКООПЕРАЦИИ

Рисунок А. ВОЛКОВА.



Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.



— Скоро весна, скоро в поле, а мне опять не в чем выйти!

ВОДОРАЗБОРНАЯ НЕРАЗБЕРИХА

Проходя по улице мимо стенда, где вывешивалась местная газета «Прииртышская правда», директор Семипалатинского городского водопровода товарищ Супрун остановился и бросил беглый взгляд на последнюю страницу.

«Порядок! На месте!» — подумал он и, беззвучно шевеля губами, прочитал объявление, которое знал уже наизусть. Лицо его приняло умиленное выражение, как это бывает у авторов, перечитывающих в сотый раз своё любимое произведение.

«Управление Семипалатинского горводопровода, — про себя с выражением читал он, — доводит до сведения граждан города о том, что в ноябре 1953 года будет производиться проверка платёжных квитанций за пользование водой в 1, 2, 3 и 4-м кварталах 1953 года. Без предъявления упомянутых квитанций вода отпущена не будет. Дирекция».

«Здорово! — резюмировал он, мысленно похлопав себя по плечу. — Ни одного лишнего слова — и всё ясно!»

Но едва он сделал несколько шагов, как ему навстречу попала женщина с пустыми вёдрами, болтавшимися на коромысле. Будучи человеком современным, директор, конечно, не верил в приметы, но, помня, что встреча с пустыми вёдрами предвещает неприятность, на всякий случай свернул в боковую улицу.

Не успел он, впрочем, пройти и квартала, как увидел идущую навстречу старушку. На плече у неё позвякивали пустые вёдра.

Директор поспешно завернул в переулок и чуть не сбил с ног мальчугана, бежавшего вприпрыжку и размахивавшего пустым ведром.

— Ты что, ошалел! — прикрикнул директор, потирая ушибленное колено.

— Ошалеешь тут, — шмыгнул носом паренёк. — Весь город избегал! Бабка говорит: «Принеси воды». А где её возьмёшь? Все водоразборные колонки закрыты, и на них печати.

— Вовсе не все, — наставительно заметил директор. — Иди на угол улиц Калинина и Урицкого, там колонка открыта.

— Фью! — свистнул мальчик. — Туда сами идите. Там очередь, знаете, какая!..

Директор побрёл в подведомственное ему учреждение, стараясь не видеть пустые вёдра, которые, как назло, на каждом шагу лезли ему в глаза...

Четыре дня на улицах Семипалатинска звенели пустые вёдра. Четыре дня у нескольких действующих колонок вились километровые очереди. Четыре дня строгие контролёры горводопровода медлительно проверяли платёжные квитанции. А не проще ли было привлечь к ответственности только неплательщиков, не наказывая без разбора всех жителей города?

Мы не знаем, ожидала ли директора Семипалатинского городского водопровода неприятность именно в тот день. По правде сказать, мы не верим в приметы. Но мы верим, что никакое проявление бюрократизма не остаётся безнаказанным. Так что жители Семипалатинска могут не сомневаться: если у руководителей местного водопровода в связи с водоразборной неразберихой ещё не было неприятностей, то они у них будут...

Н. ДАВЫДОВ

Х А Р А К Т Е Р И

Директор трикотажной фабрики товарищ Петрищев Иван Степанович, волнуясь, говорил по телефону из своего кабинета. А секретарша директора, стоя в дверях, шёпотом предупреждала входящих:

— Тсс!.. Ивана Степановича вызывают в министерство... Тише, пожалуйста!.. Закройте там дверь!..

— Куда вызывают? — тревожно переспросил коммерческий директор, остановившийся подле секретарши.

— К заместителю министра... Тсс!..

А Петрищев то и дело повторял:

— Слушаюсь. Понимаю. Через полчаса разрешите быть в министерстве? Слушаюсь. Слу...

Он положил трубку, вытер вспотевший лоб, сел в своё кресло и хриплым голосом сказал:

— Ну вот. Доигрались! Вызывают... Слышали?

Главный инженер и коммерческий директор (только они и остались в кабинете) вежливо помолчали, а потом коммерческий сказал:

— Зачем вызывают? Как вы думаете?

— Обнять и поздравить с днём ангела! — съязвил инженер. — Ясно, зачем: уж, наверное, что-нибудь такое «выдающееся» из нашей продукции попало на глаза там, в министерстве...

— Но что именно? — развёл руками коммерческий и кинул опасливый взгляд на Петрищева.

— Не знаете? — продолжал главный инженер. — А я скажу: кофточки, которые вы третьего дня отгрузили в универмаг.

— Какие кофточки? В какой универмаг?! — коммерческий директор очень неубедительно разыграл недоумение.

И тут вступил в беседу сам Петрищев.

— Не знаешь, какие кофточки? — прохрипел он. — А я тебе напомню: те, бурые с серыми узорами на боках...

— Ах, эти!.. А разве?.. Как будто бы мы их решили не отгружать... тем более... хотя, позвольте... кажется... Да, небольшую партию отпустили Кировскому универмагу.

— Небольшую?! — не унимался инженер. — А сколько штук этих, с позволения сказать, балахонов надо было увидеть заместителю министра, чтобы оценить по достоинству и фасон, и красители, и?..

— Ладно! — отрезал вдруг Петрищев окрепшим голосом. — Что-то ты уж больно разошёлся. Будто эти кофты не под твоим техническим руководством создаются...

— Не отрицаю. Под моим. Но что я просил? Направить их на периферию. Деревня всё возьмёт!

— А вот и не всё! (Это сказал коммерческий.) Мне на той неделе такую рекламу прислали на качество рейтуз из Весьегонского района!.. Из самой глуши, ежели по-старому считать...

Директор, не слушая больше, поднялся и подошёл к двери.

— Машину мне! — крикнул он в смежную комнату, а затем повернулся к своим помощникам и добавил: — Но хотел бы я знать: кто мог навести министра на эти кофты? А?

— Я знаю, кто! — без паузы отозвался главный инженер. — Моторист Мирохин. Вы помните, что он обо мне и о вас говорил

на производственном совещании? Он ведь так и сказал: не перестроимся, дескать, — это мы то есть с вами если не перестроимся, — так он, видите ли, будет сигнализировать...

— Ты считаешь, что он?

— А как же? Ох, я этого типа давно раскусил! Я даже так скажу: держать его у нас — с вашей стороны, Иван Степанович, просто самоубийство. Харакири, как говорят японцы.

— А ты того... — угрюмо произнёс Петрищев, — ты тут составь приказ об его... ну, вообще, об отстранении от работы. Конечно, мотивчик подбери поосторожней... Мне, знаете ли, никаких харакири не требуется!

Через сорок минут Петрищев несмело входил в кабинет замминистра, на всякий случай захватив с собою бухгалтерские балансы фабрики за последние два года.

Замминистра привстал навстречу, пожал Ивану Степановичу руку и сказал:

— Пожалуйста, садитесь... Вы меня извините, если я просмотрю при вас эту бумагу?

Петрищев поклонился в знак того, что ни в малой мере не возражает, и аккуратно опустился в кресло. Замминистра, не отрывая глаз от бумаги, заговорил:

— Хочу поблагодарить вас, товарищ Петрищев, за хорошие кофты...

Петрищев мгновенно побагровел, и в голове его пронеслась такая мысль: «Ого! Дело, выходит, дрянь, если не просто выговор даёт, а ещё с издёвочкой, с песочком, так сказать...»

— Н-да, — продолжал между тем замминистра, — вот уж всем вы угодили... И фасон такой прекрасный...

— Товарищ замминистра! — начал Петрищев; он задумал свою речь произнести твёрдым и громким голосом, но тотчас же услышал, что из его горла вылетает жалкий шепоток. — Товарищ замминистра! Ведь фасоны не всегда зависят от нас...

Замминистра поднял голову, бросил на Петрищева быстрый взгляд и заметил:

— Ну, особенно скромничать нечего. К этому фасону вы имели прямое отношение... Вы что, отказываетесь от этого?

— Нет, почему?.. Конечно, я, как руководитель фабрики, обязан отвечать за всё, что делается на предприятии.

Замминистра засмеялся и с иронией заявил:

— Застенчивость какая, а? Я, говорит, не я, и лошадь не моя. Но мы тоже немножко знаем, как это делается...

— Кхм... Нет, почему?.. Лошадь, конечно, моя... То есть фабрика моя... И кофты, они, безусловно, твои...

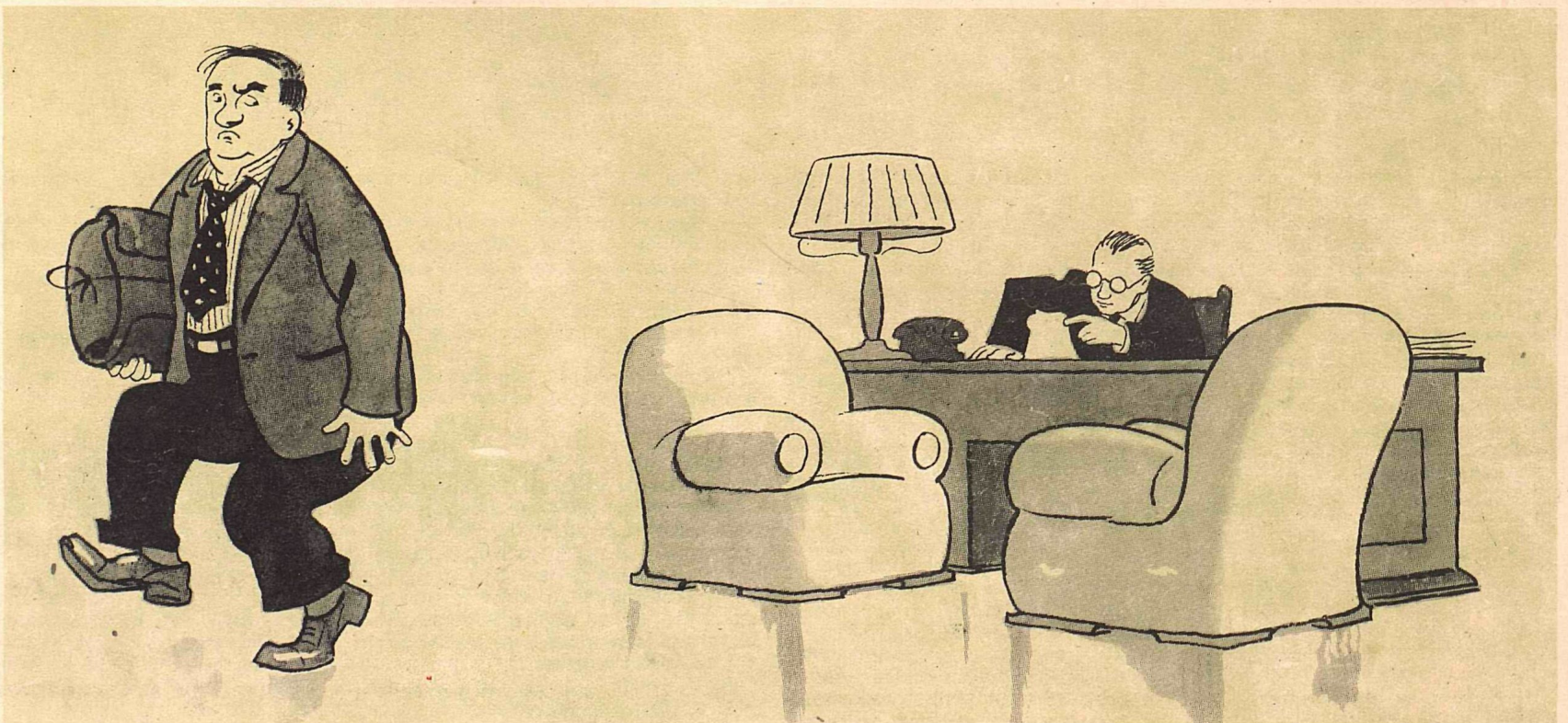
— Кстати: а кто вам дал такие прекрасные узоры?

— Узоры? Узоры мы это... получаем из главка путём альбомов, и мы ничего не меняем из того, что...

— А зачем менять? При такой расцветке лучше узоров и не надо.

— Да, вот ещё насчёт расцветки, — быстро забормотал Петрищев. — Кто ж её мог знать, что она после закрепления станет такую?

— Какую «такую»?





— Ну, вообще, такую... Серобуромалиновой, что ли...

— Что, что, что? — на лице у замминистра появилось удивление, смешанное с любопытством. — Вы считаете, что ваши кофточки серобуромалиновые?!

— А что же делать, товарищ замминистра? Совершил ошибку, — значит, надо признать. Меня так учили! — Петрищев ощутил даже какую-то радость в этом раскаянии.

Замминистра положил в сторону ручку и глядел на Петрищева, не отрываясь.

— Та-ак! — произнёс он.

Петрищев счёл это «так» поощрением и, как говорится, «поднажал» в смысле признания своих заблуждений. Он говорил громко, словно перед ним была многочисленная аудитория:

— Всё руководство нашей фабрики и лично я целиком и полностью признаём свою ошибку в отношении отно-

шения к этой некрасивой — нет, что я говорю, — к этой бракованной продукции. Даём слово больше никогда не допускать такой. Это раз. Второе: может быть, ещё большей ошибкой было с нашей стороны отгрузить такие, с позволения сказать, кофты — нет, что я говорю, саваны, а не кофты — в Кировский универмаг, который... которому... в отношении которого... В общем я уже объявил моему коммерческому директору строгий выговор... («Не забыть бы составить приказ насчёт выговора, как приеду к себе»).

Но что-то в глазах замминистра заставило разошедшегося директора остановиться. Возникла длинная пауза. Наконец замминистра заговорил:

— Молодцы!.. Значит, выпускаете «серобуромалиновые» кофты с такими узорами, что сами стесняетесь... И в универмаги сдаёте эту дрянь? Да?

Петрищев потянулся всем телом по направлению к замминистра, жалобно поднял брови кверху. Он не мог раскрыть рта, но на лице его отразился немой вопрос: «А разве вы этого не знали, товарищ замминистра?!»

— Что ж... Спасибо за информацию, товарищ Петрищев. А ведь я вас вызвал поблагодарить за те образцы, что вы представили на республиканскую выставку... Премировать даже хотел.

— Так вы, значит, на выставке наши кофты смотрели, а не...

— Вот именно: а не в универмаге. Но теперь уж посмотрю и там. Обязательно! Идите, товарищ Петрищев...

Петрищев встал и на согнутых ногах направился к выходу. Остановился за три шага от двери, кое-как обернулся и выдавил из себя:

— Прикажете сдавать дела, товарищ замминистра?

— А это мы решим после того, как посмотрим, какие такие «саваны» вы отпустили в универмаг...

— Ага... Значит, сдавать!..

Замминистра нажал кнопку электрического звонка. Мимо Петрищева прошёл секретарь. Петрищев ещё слышал, как замминистра сказал ему:

— Позвоните сейчас в Кировский универмаг: пусть мне привезут кофты вот его фабрики...

В кабинет свой Петрищев вошёл так, словно ноги его превратились в ватные конечности деда Мороза на ёлке. И по лицу директора все поняли, что произошло нечто непоправимое.

— Подтвердилось? — высоким фальцетом спросил коммерческий директор. — Они, да? Кофты?

Петрищев сердито мотнул головой, что должно было означать: да, подтвердилось, да, кофты... Затем он сел в своё кресло, опустил веки и замер.

Подойти к столу Петрищева осмелился один лишь главный инженер, и то только потому, что он подsunул под нос Петрищеву приказ об увольнении моториста Мирохина, подозреваемого в том, что именно он сигнализировал министерству о качестве злополучных кофт.

— На, подпиши! — сказал инженер. — Тебе легче будет!..

Директор уголком одного глаза проглядел приказ, нервно замычал и скомкал бумагу.

— Это не он! — вот всё, что мог произнести Петрищев.

— Тогда кто же?! — воскликнул коммерческий директор. — Скажите мне, кто?

Все с ожиданием обернулись к Петрищеву. Но тот сидел зажмурившись и молчал.

И тогда на цыпочках все стали покидать кабинет. Последний из уходящих слышал, как директор громким и горестным шепотом выдохнул:

— Харакири!.. Хараки... Эх!..

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.



— Как нежно провожает наш начальник в колхоз техника Иванова...

— На радостях: от плохого работника избавился!

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.



— Странно, эти ясли уже четвёртый год не могут выйти из младенческого возраста...



Как быть зоотехнику Соне?
Пожалуйста, дайте совет!
Ждут Соню на фермах в районе,
Но ехать «возможности нет».

Зимой там пошвист метельный,
Крутые сугробы вокруг.
У Сони же чудный, модельный,
Высокий-высокий каблук.

Встревожена Соня заметно:
На фермы ей нужно давно...
Однако там пол не паркетный,—
Сберечь каблуки мудрено.

Весной ещё чище картина:
Увязнешь — ни взад, ни вперёд!
Весенняя липкая глина
Совсем каблуки засосёт!..

Куда же теперь ей податься?
Сидит, ноготочки грызя:
На месте нельзя оставаться,
И выехать тоже нельзя.

Бывает она на перроне,
В село провожая подруг.
А дальше отправиться Соне
Мешает «высокий каблук»!

ПОЧЁТ ЗА СВОЙ СЧЁТ

По требованию заведующего нефте-промыслом № 2 треста Октябрьск-нефть Т. Ф. Амиркулиева передовые люди промысла вынуждены были фотографироваться для Доски почёта... за свой счёт.

(Из письма тов. Чежидова.)

У завпромыслом вместо заботы
Крохоборческий к людям подход:
Может статься, и Доску почёта
Он поставит отличникам в счёт?!

А. СТОВАЦКИЙ

Как ни странно, но...

...легче студентам окончить заочный институт, чем дирекции института выдать им дипломы.

Студенты Калининского педагогического института имени М. И. Калинина закончили государственные экзамены 29 июля 1953 года. Дипломы им не вручены до настоящего времени.

Причина до обидного проста: руководители находились в отпусках, и им было не до студентов.

Не брать ли от таких беспечных руководителей гарантийные расписочки, что в связи с их отъездом в отпуск учреждение не будет ликвидировано и ответственность за порученное дело не будет с них снята?

ИРОЧКИНА МАМА

Ольга Михайловна Гончарова, инженер-нормировщик подмосковного завода, только что вернулась из отпуска. Впервые в жизни она отдыхала на юге, у Чёрного моря, и вернулась оттуда ещё более цветущая, загорелая, полная ярких впечатлений. И вдруг... Гончарова не явилась на работу. Прошёл день, два, прошла неделя, другая, а о ней ни слуху, ни духу. Неужели она так серьёзно заболела, что даже сообщить о себе не может? Гончарова пришла только на восемнадцатый день. Вернее, не пришла, а прибежала. Бледная, с воспалёнными от слёз глазами.

— Что с вами? — участливо спросили товарищи.

— Несчастье... С дочкой...

— Успокойтесь, милая! — Ей дали воды, и она, не сдерживая рыданий, прерывающимся голосом рассказала:

— Вышла дочка с моей мамой погулять... Неожиданно из-за угла грузовик! Бабушку отбросило в сторону, а Ирочку...

— Задавило?

— Она была почти без признаков жизни. Две недели я провела с ней в больнице... Не смыкала глаз, не отходила от постели... Ничего не помогло. Умерла у меня на руках... Была Ирочка, и нет её... А бабушка лежит, разбитая параличом...

Слёзы душили её, она не в силах была больше говорить. Даже у видавших виды людей невольно затуманились глаза.

На заводе знали, что Гончарова ушла от мужа, жила одна, а дочь находилась на попечении бабушки. А потому испытывали ещё большую неловкость и какой-то внутренний стыд: как же так случилось, что они оставили осиротевшую мать одну?

Друзья познаются в беде. Гончарова держала себя на заводе несколько обособленно, и хоть ни с кем не дружила, сейчас у неё сразу объявились десятки друзей. Каждый, как мог, старался искренне утешить её, ободрить, проявить внимание, облегчить остроту безвременной утраты.

Невыход на работу, разумеется, признали уважительным. Мало того, заместитель директора, смахнув набежавшую слезу, не говоря ни слова, удовлетворил просьбу Ольги Михайловны и предоставил ей ещё два — три дня, чтобы успокоиться и придти в себя.

Всюду безутешную мать встречали приветливым взглядом, крепким, дружеским рукопожатием. Заводской комитет, куда она обратилась за помощью, тут же вынес решение: выдать ей единовременное пособие. А в цехе, где работала Гончарова, взялись изготовить ограду для ирочкиной могилы.

Но сердечной ране не дали зажить и разбедрили её, и притом так грубо и бесцеремонно, что это вызвало в коллективе всеобщее возмущение. В эти горестные для Ольги Михайловны дни на завод пришло письмо. Нет, не письмо с выражением сочувствия и поддержки, а исполнительный лист с требованием уплаты алиментов.

— Подумать только! — возмущались на заводе. — Требуют деньги на содержание умершей девочки!

И дирекция с завкомом немедленно снарядили комиссию в Загорск, по месту жительства бывшего мужа Гончаровой.

С трудом сдерживая негодование, члены комиссии, приехав в Загорск, явились в дом № 7 по Садово-Штатной улице, их приветливо встретила пожилая женщина. Она сделала вид, что удивлена этим официальным визитом, и с подчеркнутой любезностью, точно ничего и не произошло, пригласила приехавших присесть. Но члены комиссии были настроены довольно агрессивно: они ещё в дороге выработали план действий. Они отказались присесть и без всяких предисловий выложили всё, что у них накопилось.

— Мы не знаем, чьих это рук дело, но согласитесь: это низко... Когда случилась

такая беда, совершить такой отвратительный подлог!

Старушка сделала большие глаза:

— Какая беда? Какой подлог?

— Ещё спрашиваете, какой! Да как могла подняться рука требовать алименты на содержание погибшей девочки!

При этих словах лицо женщины странно перекосилось, и она испуганно спросила:

— Почему погибшей? Она только что была дома. Ирочка!

И в комнату весело вбежала здоровая, жизнерадостная девочка. Члены комиссии опешили от неожиданности и с трудом выговорили:

— У вас одна внучка?

— Одна. Вот эта самая Ирочка.

— А вы кто будете? — спросила старушку. — Мать Ольги Михайловны? Но её же разбил паралич?

— Да её мать умерла ещё в тридцать девятом году. А я её бывшая свекровь. И, как видите, совершенно здорова.

Потрясённые и растерянные вернулись члены комиссии на завод.

Вызвали Гончарову. Передали ей привет от Ирочки и бабушки. Она ничуть не смутилась и, заливаясь горячими слезами, настаивала на своём:

— Моя дочь умерла, а мать разбита параличом. Вы видели в Загорске дочь мужа от первого брака. Я удочерила её, и теперь он имеет наглость требовать с меня алименты. Какая подлость!

Тогда из Загорска вызвали мужа, устроили очную ставку, предъявили документы, фотографии. Члены комиссии напомнили Гончаровой всё, что они узнали от соседей и родственников.

Оказывается, когда родилась Ирочка, мать не стала кормить её грудью: это могло испортить фигуру. Когда ребёнок

капризничал, мать затыкала уши: это мешало ей читать романы. А потом она без сожаления совсем оставила семью, дом. Тщательно обшарила все закутки гардероба — не забыла ли чего? — и впопыхах даже не простилась с ребёнком.

Гончарова пыталась что-то опровергнуть, но после долгих препирательств, всхлипывая, призналась, что всю историю с гибелью дочери выдумала, чтобы избежать ответственности за семнадцатидневный прогул. Но тут же в своё оправдание сказала:

— Меня никто не понимает, — и обильные слёзы полились по лицу, сохранившему ещё сочинский загар.

Сама того не сознавая, она на этот раз сказала правду: действительно, её никто не понимает. И никто не поймёт!

Гончарову уволили за прогул с завода. Когда ей сообщили об этом, она судорожно скомкала в руках батистовый платочек и, конечно, заплакала:

— Неужели я такая преступница?

Ей никто ничего не ответил. У всех было какое-то брезгливое ощущение, точно прикоснулись к чему-то гадкому, омерзительному. А старая кадровая работница бросила ей в лицо:

— Нашкодила... И чтоб себя выгородить, заживо родную дочь похоронила. Таких судить надо. Жаль, нет такой статьи. Вот за спекуляцию судят. А разве это не спекуляция? Самая страшная спекуляция. На материнском чувстве, на благородных чувствах дружбы и товарищества.

Гончарова как ни в чём не бывало покинула завод. В руках у неё был маленький дорожный чемодан, где лежал наготове батистовый платочек...

Е. ВЕСЕНИН

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.



К.

— Говорят, что это безвкусно сделано, а по-моему, ничего, кушать можно.

Ф И З К У Л Ъ Т

Некоторые выпускники Киевского института физкультуры уклоняются от работы на селе.

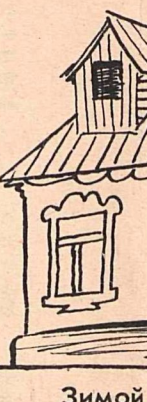


Мастеров на короткую дистанцию оказалось много...
... а на длинную — явно недостаточно.



Хоккеисты выражают справедливые претензии к предприятиям, выпускающим хоккейные клюшки низкого качества.

— Удар! Ещё удар! И на второй минуте счёт... сломанных клюшек достиг 23!!! Крупная победа бракоделов...



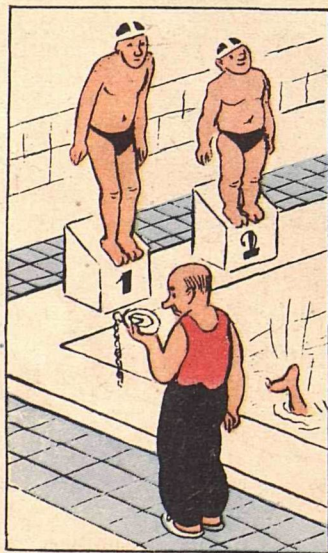
Зимой

В Омске нет

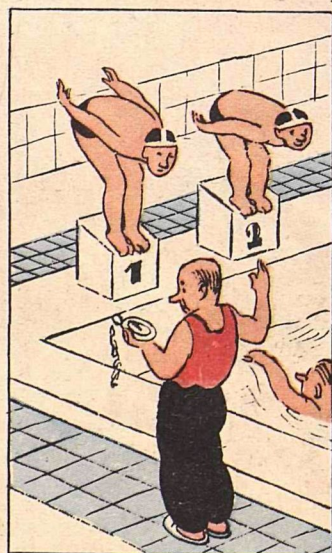


— Накатался я се
— На катке?
— В поисках катка

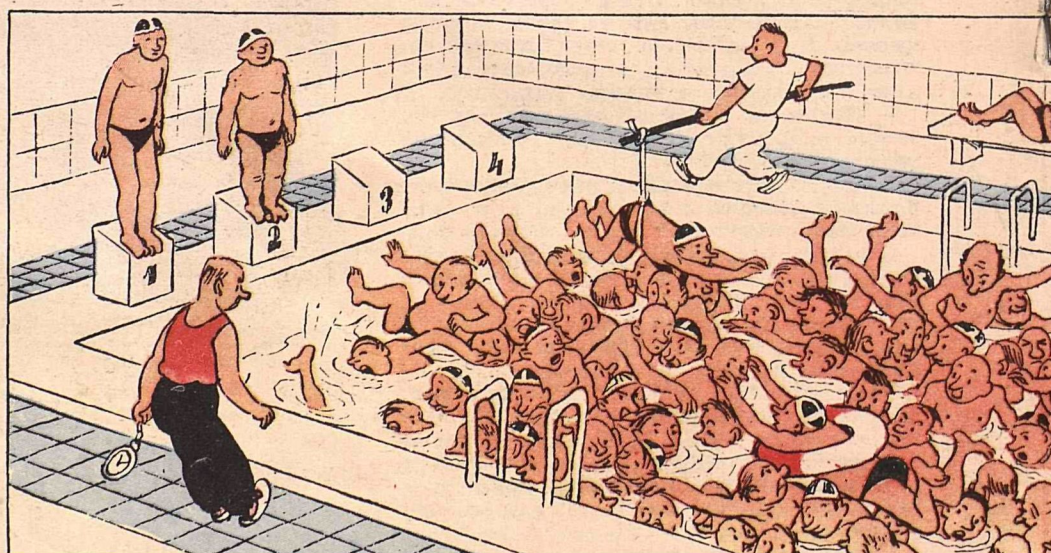
До сих пор не наведён порядок в распределении воды в ленинградских зимних бассейнах.



— На старт!

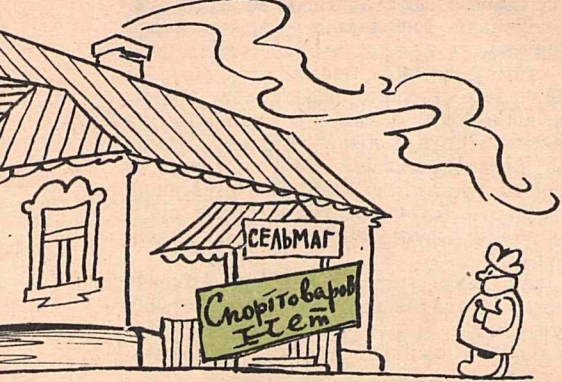


Внимание!..



Отставить! Наши соседи опять нарушили график...

ПРИВЕТ!



и летом одним цветом.

катков для детей.



сегодня!

в...



В школах Карело-Финской республики из-за отсутствия лыж уроки физкультуры часто заменяются занятиями по другим предметам.



— А где остальные участники?
— Сзади...



Затянувшаяся перемена.



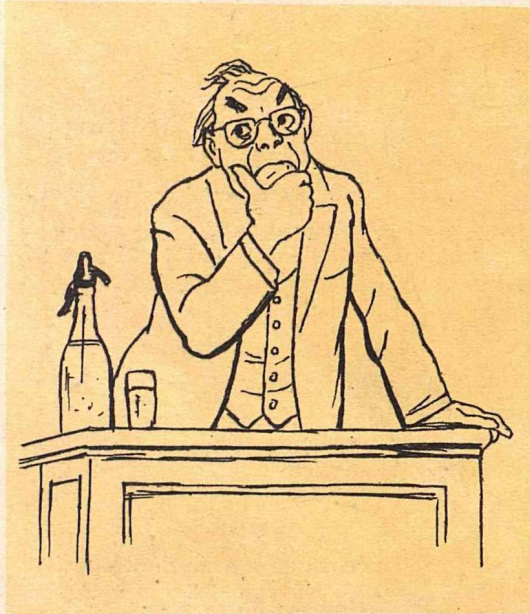
На крупнейших трамплинах страны нет подъемников.

— Прыгнуть с трамплина не фокус, вот взобраться на него — это искусство!

Невежество НА ПОДЪЁМЕ

Представим себе, что ученика восьмого класса нашей школы — где-нибудь в далёкой Якутии или на Кольском полуострове — спросили бы: «Кто написал «Записки охотника»?» А он ответил бы: «Александр Семёнович Пушкин». Душевным переживаниям не было бы конца: учитель сорел бы со стыда, а сам виновник этого прискорбного происшествия долго ещё отмежёвывался бы от своей ошибки.

Один современный американец, давно уже вышедший из младенческого возраста, окончивший высшее учебное заведение — колледж — и даже отхвативший учёную степень бакалавра искусств, «высказал предположе-



ние», что автором «Кентерберийских рассказов» является Шекспир¹.

Этот факт нами не выдуман. Он приведён в статье руководителя американского Института общественного мнения Джорджа Гэллапа, опубликованной в журнале «Вайтал спичез».

Да, в Соединённых Штатах существует Институт общественного мнения. Сие почтенное учреждение по мере своих скромных научных сил занимается фальсификацией общественного мнения. Однако иногда его руководители пробалтываются и невольно приоткрывают завесу лжи. Как говорится, и на старуху бывает проруха.

«Невежество людей, окончивших колледжи, в области классической литературы поистине потрясающе!» — тревожно восклицает в упомянутой статье Гэллап и подтверждает это следующим примером: «Один опрошенный откровенно признался, что он не прочитал ни одной книги с тех пор, как десять лет назад окончил колледж».

Опрошенный аноним не одинок: сам Гэллап признаёт, что «72 миллиона американцев за всю свою жизнь не купили ни одной книги». «В США, — мрачно продолжает Гэллап, — покупает и читает книги меньшее число людей, чем в любой другой современной демократической стране. Типичный англичанин... читает почти в три раза больше книг, чем типичный американец».

¹ К сведению бакалавра искусств: в фельетоне «Литературные сыщники» («Крокодил» № 30 за 1953 год) указывалось, между прочим, что «Кентерберийские рассказы» написал Джеффри Чосер, английский поэт XIV века. Впрочем, эта справка вряд ли дойдёт до бакалавра: если «Кентерберийские рассказы» находятся в США пока что лишь под угрозой запрещения, то «Крокодил» уже запрещён.

Стоит ли после этого удивляться тому, что «даже самые простые географические сведения, которые следовало бы усвоить в начальной школе», остаются для американских студентов непостижимой тайной! Студенты, как сообщает Гэллап, не имеют понятия, «где находится Формоза, Маньчжурия, Югославия, какво население Китая, Канады, Франции. Фактически довольно много студентов, окончивших высшие учебные заведения, не могут показать на контурной карте Соединённых Штатов, где находится штат Иллинойс».

Правда, возникает естественный вопрос: зачем рядовому наёмному убийце — солдату или лётчику американской армии — искать на карте Тайвань или Пакистан, Югославию или Францию? Зачем ему отягощать свой мозг, забитый трухой порнографической литературы и гангстерских фильмов, какими-то сведениями, пусть даже элементарными, из области географии? Его доставляют на американскую военную базу, дают ему задание, и он действует, как автомат: убивает, сжигает, уничтожает. За это ему платят, только за это.

Однако уместно вспомнить, что три года тому назад газета «Нью-Йорк таймс» ставила этот вопрос в ином разрезе. Она писала: «Хотя США стремятся к мировому господству, американские колледжи и университеты фактически игнорируют изучение географии... Для того, чтобы осуществить планы мирового господства, необходимо иметь много специалистов по географии». Эта милая откровенность сопровождалась такими ядовитыми репликами по адресу пастырей американского юношества:

«Это ещё хорошо, если студенты могут показать хотя бы четыре страны в Западной Европе; по карте Южной Америки они буквально плавают — они могут показать лишь две страны во всей Южной Америке, где их более двадцати».

Конечно, мистер Гэллап не касается щекотливой темы мирового господства. Это в ведении хозяев. «Нью-Йорк таймс» — газета хозяев, ей дозволено. Что же касается географических познаний американских студентов, то, как мы видим, за три года они остались на том же уровне.

Джордж Гэллап разъезжает по стране и советуется с маститыми профессорами о том, как обучать студентов. И учёные мужи приходят к следующему единодушному заключению: университеты должны научить студентов достаточно хорошо выражать свои мысли на бумаге, иметь некоторые представления о положении дел в мире, стремиться расширять свой умственный кругозор.

Нелепо и пародийно звучит это новое открытие Америки многомудрыми столпами просвещения! Стало быть, американское студенчество — этот молодой костяк интеллигенции США — не только не стремится расширить свой кругозор, не только не умеет достаточно хорошо выражать свои мысли, но и не имеет даже никакого представления о положении дел в мире! Умри, Гэллап, — лучше не скажешь!

Нынешняя самая «законная» и рекламируемая культура Америки — культура повального невежества. Из статьи Джорджа Гэллапа сам собою вытекает диагноз болезни: прогрессирующее оглушение и одичание среднего американца на почве хронического военного психоза. Невежество распространяется, как искусственно вызываемая эпидемия.

В современной Америке многое не называется своим именем. Сто убийств в одной книжке выдаётся за литературу для детей; бандитизм — за невинное развлечение; агрессивный Северо-атлантический пакт — за оборонительную систему; военные базы в Греции и Турции преподносятся как защита штата Иллинойс от красной опасности; уничтожение сотен тысяч

мирных жителей Азии — как мероприятие по смягчению международного напряжения.

Гэллап показал, что духовной пищей среднего американца — сладострастными описаниями бесконечных убийств, взломов, поджогов, линчеваний, ограблений, растления малолетних — вскармливаются убийцы-автоматы, кадры для Вашингтонских политиков, вождельно изучающих карту мира. Они, эти политики, боятся свободной мысли, света правды. Ведь если, упаси боже, показать среднему американцу фильм, в котором вместо ста одного убийства будет одна истина жизни, если дать ему в руки не автобиографию гангстера, а бессмертное творение классика мировой литературы или книгу современного прогрессивного писателя, он — средний американец — может подумать-подумать, да и отказаться от своего «призвания» стать пушечным мясом.

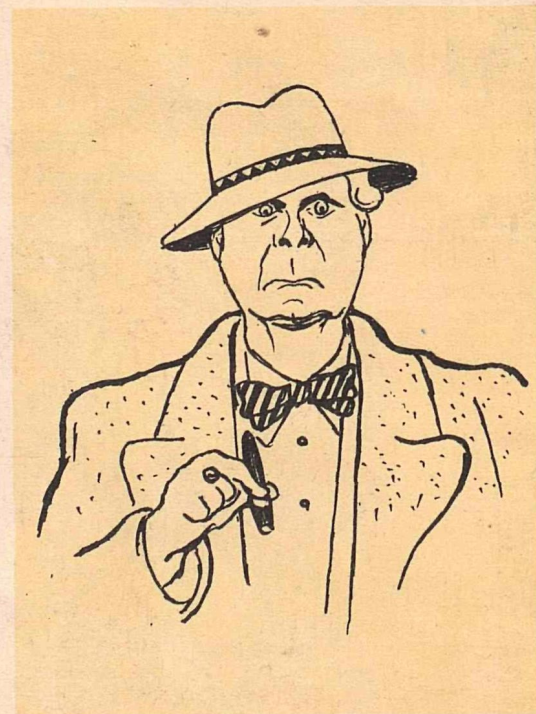
Гэллап и весь синклит профессоров, с которыми он совещался, возлагают надежды на университеты. «Если в нашей стране должно начаться интеллектуальное возрождение, то естественным местом для этого являются наши университеты», — заключает свою статью руководитель американского Института общественного мнения.

Ясно, как день, что в нынешней Америке подлинного интеллектуального возрождения (которого, кстати, боится и сам Гэллап) нет и быть не может. Подобно легендарному глуповскому градоначальнику, современный американский фашизм «упразднил науки» — все, кроме тех, которые прямо или косвенно помогают макартурам и риджуэям. Невежество, как мрачная туча, нависло над Соединёнными Штатами.

Вот что вещает со своих страниц американский педагогический журнал «Нейшнл паренттичер»: «Всё, в чём нуждается страна, — это в людях, которые будут убивать других, чтобы выжить самим. Нам нужны убийцы, и ничего больше».

Что стоят после этих сугубо «педагогических» деклараций лицемерные рассуждения мистера Гэллапа о грядущем возрождении американской культуры?!

Однако сей учёный муж и сам не подозревает, как близок он к истине, когда делает из всех упомянутых — почти неправдоподобных — фактов неожиданный вывод:



«Занимаясь около 20 лет изучением общественного мнения Америки, я убедился, что наш народ изумительно одарён тем, что лучше всего можно назвать «природным здравым смыслом»... Имеется множество данных, доказывающих, что население в целом придерживается правильных мнений и обычно гораздо дальновиднее своих представителей в правительстве».

Здесь мы полностью согласны с Джорджем Гэллапом: американский народ не так-то легко одурочить!

ОТКРОВЕНИЯ ДЕМАРИ БЕССА

«БЛЮСТИТЕЛЬ ПОРЯДКА»

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Поскольку Демари Бесс — звезда не из крупных, вполне возможно, что наши читатели с ним не знакомы. Поэтому мы сразу сообщим, что он один из редакторов американского журнала «Сатердей ивнинг пост».

На писания Бесса не стоило бы обращать никакого внимания, если бы не одно их качество: Бесс, как бойкая служанка, выбалтывает то, о чём господа предпочитают помалкивать.

Все свои военные приготовления руководители американской внешней политики объясняют «коммунистической опасностью». У Бесса на этот счёт иное мнение. Свою обширную статью «Окинава — американский остров» он начал с воспоминаний о коммодоре Мэттью Перри, сто лет назад посетившем Окинаву. Оказывается, коммодор по совместительству был ещё и пророком и «бросил сверхъестественно проникновенный взгляд на целый век вперёд». Помимо прочего он предсказал, что «американский народ когда-нибудь столкнётся с грозным русским вызовом на Дальнем Востоке». Учитывая это, коммодор рекомендовал создавать аванпосты на Тихом океане. Одним из наиболее подходящих мест он считал остров Окинаву, который тогда назывался Лю-Цю.

Не лишне упомянуть, что коммодор Мэттью Перри, подобно его потомкам, действовал весьма бесцеремонно. В его время Окинава принадлежала королевству островов Рюкю и в империю доллара не входил. Несмотря на это, коммодор вёл себя на острове, как дома. Состоявший при нём штат специалистов (читай: разведчиков) исследовал все части острова, его воды, флору, фауну и население. Художники (читай: топографы) сделали зарисовки. Короче говоря, коммодор полностью использовал гостеприимство королевства Рюкю и собрал квалифицированный шпионский материал.

Покончив с историей, Бесс переходит к современности. Из его описания видно, что советы коммодора Перри не пропали даром. «В 1953 году, — сообщает Бесс, — во время визита на Окинаву я видел, что американское правительство сооружает там — на расстоянии многих тысяч миль от нашего западного побережья — самую мощную крепость из всех построенных американцами за пределами своей собственной страны... Задолго до посадки самолёта становится очевидным, что остров сильно укреплен. С воздуха можно сразу увидеть несколько военных аэродромов и военные корабли в бухте».

Полёты над Окинавой, очевидно, вскружили воинственному редактору голову, и он сплеча рубит свои откровения, резко расходящиеся с официальными заявлениями, гласящими об оборонительных целях. Оборона не устраивает Бесса. Он, повторяя воинственного генерала Стирли, кричит: «Окинава — база, с которой мы можем нанести удары!»

Восхищаясь Окинавой, Бесс не жалеет слов и красок. Он называет его то «американским Гибралтаром», то «американской Мальтой». С особенным удовольствием Бесс описывает, как в 1945 году американцы бомбили остров, отнимая его у Японии.

Как истинный янки он начинает с цифр: «...Было убито 110 000 японских солдат и моряков». Затем Бесс восхищается мощью американской авиации: «Бомбардировки были столь сильными, что остров изменился почти до неузнаваемости и в настоящее время кажется с воздуха лишенным растительности».

А вот снова цифры, разбавленные крокодиловыми слезами: «По меньшей мере было убито или серьёзно ранено 50 000 жителей; на острове ещё много вдов». За цифрами следует ещё одна ме-



— Скажите джентльменам, чтобы убрали машины с дороги, иначе я их оштрафую за нарушение правил уличного движения...

ланхолическая справка о местных жителях, оставшихся в живых после побоища в 1945 году. Покинув пещеры, куда их загнали победители, жители обнаружили, что их дома, мастерские, пища, одежда — всё исчезло. Погибли и исторические документы столетий, охватывающие весь период цивилизации Рюкю.

Отдав дань воспоминаниям, Бесс с бодрим видом распространяется о том, как сейчас живут люди на острове. Большинство коллег Бесса пытается доказывать, что там, где ступает нога американца, сразу образуется рай, именуемый американским образом жизни. Но Бесс не таков. Он сразу берёт быка за рога и резко делит население острова на людей-американцев и на туземцев. Американцам на острове живётся неплохо. Они всем обеспечены: отдельным водопроводом, электросетью, канализацией, школами, церквями,

кинотеатрами, магазинами. Полумиллиону туземцев Окинавы приходится работать для армии. Тысячи жителей служат в американских домах, военных клубах, казармах. Участь женщин — «места отдыха и развлечений».

Понятно, никаких домов с канализацией и электросетью туземцам не положено. И ещё одно не положено жителям Окинавы — надеяться на государственную автономию. По словам Бесса, туземцы отдают себе «полный отчёт в том, что американские вооружённые силы обосновались на острове постоянно».

Читая откровения Бесса, так и видишь этот далёкий остров-крепость с местными жителями, обречёнными на каторжные работы, — живой образ «американского рая».

Арк. ВАСИЛЬЕВ

ВСТРЕЧА В ОКЕАНЕ

Рисунок К. ПОЛТИНЬЯКА.



АДЕНАУЭР: — Поторапливайтесь, господа, полицейский уже нервничает!

Журнал «Фришер винд» откликнулся на недавние события в Британской Гвиане фельетоном, перевод которого публикуется ниже.

Крейсер британского королевского флота «Сьюперб» на всех парах рассекал волны Атлантического океана, держа курс восток. Крейсер очень торопился: дело в том, что в южноамериканской колонии Британской Гвиане впервые в истории состоялись всеобщие выборы. Но это ещё не самое худшее. Куда хуже было то, что избиратели проголосовали не так, как хотелось бы, и что новое правительство начало поговаривать о самоуправлении. Потому-то «Сьюперб», подобно овчарке, мчался во весь дух, чтобы снова загнать чёрную овечку Гвиану в лоно колониальной империи.

— Господа,— говорил командир корабля Бентли в кают-компании,— я просто не понимаю нашего адмиралтейства. Почему оно не послало в Гвиану один—два крейсера перед выборами? Конечно, следовало ожидать сюрприза, раз не было соответствующего руководства! Три четверти голосов против метрополии — тут уж шутики в сторону!

— А я не понимаю нашего правительства,— откликнулся старший офицер.— Мы сидим в Гвиане уже полтора года и прекрасно обходимся без выборов. И даже без конституции! А тут вдруг дать избирательные бюллетени людям, которые и понятия не имеют о выборах! Конечно же, виновато правительство...

— Не будем, господа, воспринимать дело так трагично,— вмешался в разговор священник Хичкок.— Действительно, наши заблудшие колониальные братья впали в ошибку. Но ведь губернатор-то сейчас же сместил новое правительство и приостановил действие конституции. Однако, признаюсь, и меня печалит то, что в колонии к нам питают так мало симпатии, хотя знают нас так долго.

— Как раз потому и не питают, что слишком хорошо знают,— пробормотал в раздумье корабельный врач. Но так как доктор по своему обыкновению уже влил в себя изрядное количество виски, на его замечание никто не обратил внимания.

* * *

Создавшееся положение обсуждалось и в матросских кубриках во время информационной беседы, которую проводил лейтенант Бэкбон.

— Сколько жителей насчитывается в колонии её королевского величества Британской Гвиане?

— Полмиллиона душ, сэр!

— Это не совсем точно. Белых там всего три тысячи. Остальные — цветные. А какой главный продукт производства Гвианы?

— Сахарный тростник, сэр!

— Совершенно правильно. А что делают из сахарного тростника?

— Ром, сэр!

— Для кого в основном?

— Для британского флота, сэр!

— Очень важное обстоятельство, матросы! Не забывайте об этом, когда получаете от кока свою порцию рома. И так, что же нам надлежит поддерживать в Гвиане?

— Порядок, сэр!

— Какой порядок?

— Демократический порядок, сэр!

* * *

В пути «Сьюперб» повстречался с американским транспортом, на борту которого находилось пополнение для войск, расквартированных в Европе.

— Эй, ребята, вы куда? — неслось с американского корабля.

— В Гвиану,— отвечали англичане.

— Что вы там собираетесь делать?

— Наводить порядок. А куда вы?

— В Англию.

— Что вы там будете делать?

— То же самое.

Перевёл с немецкого В. БОЕВ.

ГДЕ, КРОМЕ КАК В КЕНИИ?

Получены самые достоверные сведения о том, что, собственно, происходит в Кении и как местное население относится к своим английским покровителям.

Оказывается, относится оно к колонизаторам совсем не плохо. И почему в газетах и журналах сплошь да рядом печатаются сообщения о том, что добродетельные джентльмены жесточайшим образом экспроприруют мелких землевладельцев, силой оружия сгоня-

ют негров с земли, отнимают у них имущество, казнят по суду и без суда, сжигают деревни? Право, непонятно!

Грешным делом, мы подумали так, когда прочитали следующее свежее сообщение в английской газете «Гэмпшир кроникл», риторически вопрошавшее:

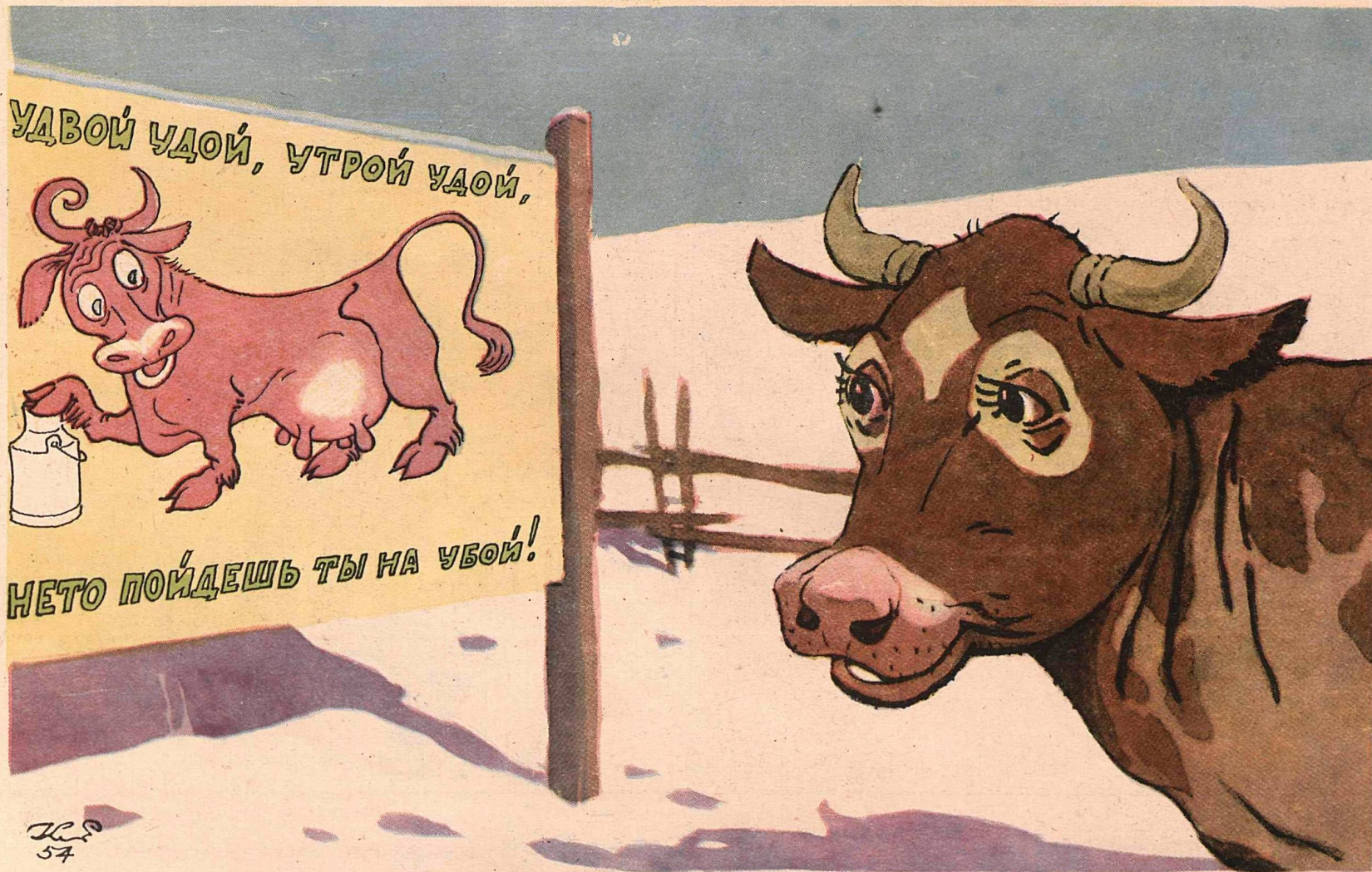
«Где, кроме как именно в Кении, африканцы, чьи де-

ды, вероятно, были ещё людоедами, имеют возможность присутствовать на действительно великолепных состязаниях по игре в поло?»

Вот теперь никто уж, наверное, не скажет, что «африканцам, чьи деды...» есть на что жаловаться! Во всяком случае, как можно жаловаться на английских любителей спорта, до-

ставляющих им высшее эстетическое наслаждение?

Правда, не успели мы написать эти слова, как в наши руки попали самые что ни на есть свежие фотографии, на которых запечатлены «африканцы, чьи деды...» в кандалах, и ведут их в тюрьму, а на других снимках — на расстрел. И ведут их, возможно, как раз мимо спортивной площадки, на которой их английские покровители азартно играют в поло.



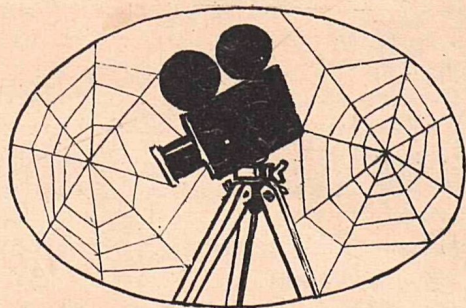
— Что-то я тебя, корова,
Толком не пойму...



ВИЛЫ В БОК

НЕУЛОВИМАЯ ЭМБЛЕМА

Киностудия «Грузия-фильм» лихорадочно переживает стадию творческих исканий. Что же она ищет? Сценарий? Актёров? Режиссёров?.. Нет! Она занята усиленными поисками эмблемы (марки) студии. Давно уже объявлен конкурс, но эмблемы нет и нет.



Поглощённые такой работой, руководящие кадры студии не имеют времени подумать о кинокадрах: давно как «Грузия-фильм» не выпускает кинокартин. Очевидно, дело лишь в эмблеме: как только её создадут, так сразу же появится и новый фильм!

СО СКИДКОЙ ДОРОЖЕ...

Готовясь к встрече Нового года, читатель Крокодила В. Н. Зубков решил пополнить свой гардероб: пошёл он в магазин Портового посёлка Куйбышевгидростроя и купил себе готовый костюм.

Нет, к самому костюму у него никаких претензий пока не оказалось. А привёл его в глубочайшее недоумение фабричный ярлык с металлической пломбой, пришитый к пиджаку. Красивый такой ярлычок из голубого картона, на нём марка швейной фабрики № 6 в городе Куйбышеве и в числе прочих следующие удивительные обозначения:

«Цена 1393 р.
Скидка 53.70
Цена со скидкой 1446.70»

— Интересно! — сказал покупатель, вдумываясь в эту сложную калькуляцию. — А в магазине с меня взяли 1403 рубля ноль-ноль копеек!

Итак, все условия арифметической задачи налицо. Спрашивается: сколько же в действительности стоит купленный костюм и какая цена ответственному документу — паспорту фабричного изделия с маркой куйбышевской швейной фабрики № 6?



С ТЯЖЕЛЫМ ПАРОМ...



Как приятно побывать в бане! После неё так хорошо себя чувствуешь!

Но часто испытывать это удовольствие сызранцам не удаётся: на весь город в Сызрани одна баня!

Желающие помыться в ней сначала энное количество часов ждут на улице, потом, взмыленные от давки у кассы, радостно врываются в баню и начинают раздеваться. Но тут же они убеждаются, что с этим не следует слишком торопиться: через щели дует бодрящий ветерок. Правда, чтобы отогреть замерзающих клиентов, дирекция предоставляет им только горячую воду. Пока вода остывает, посетители успевают досконально изучить пятнистые стены, осмотреть тазы, очень напоминающие сита, и убедиться, что пол таит в себе много опасностей в виде дыр и поломанных половиц.

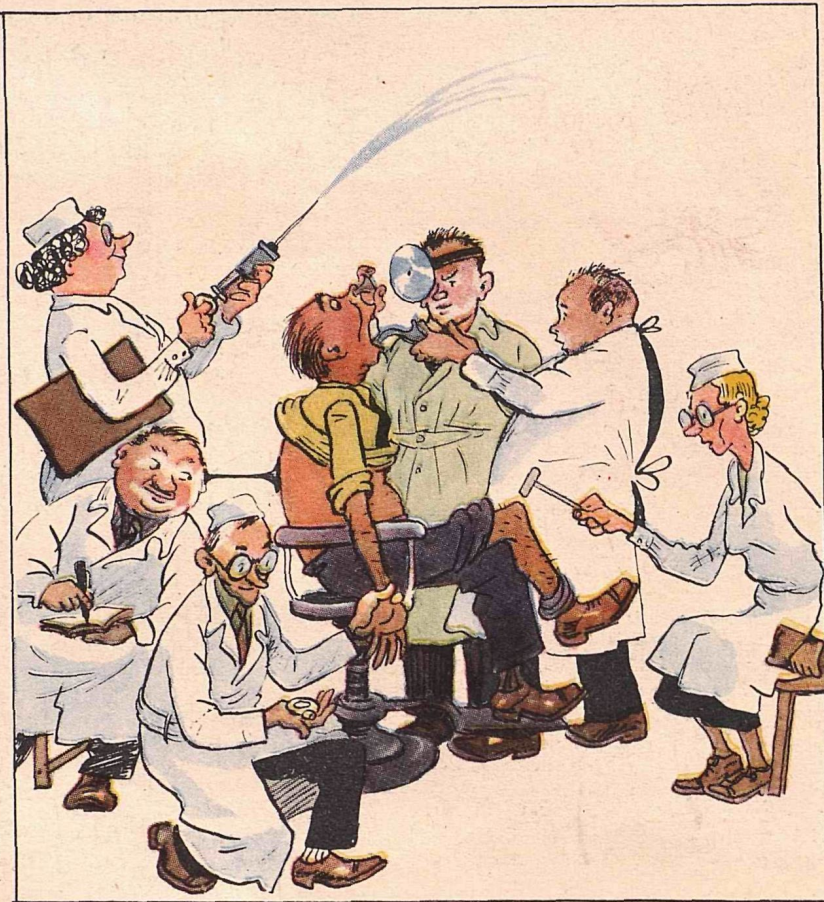
После таких тяжёлых испытаний посетителей сызранской бани не поздравить с лёгким паром!

В отдельных областях наблюдается неправильное распределение медицинского персонала по лечебным учреждениям.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.



— Потерпите! Вас много — я один...



— Потерпите! Нас много — вы один...

Художественный труд

Артель «Художественный труд» (Москва) выпускает резиновые сапоги, которые после первой носки расплзаются по всем швам.

Из письма читателя И. Гордуса.
(г. Кизляр, Грозненской области).



Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Примеров брака мы имеем множество,
Но брак рекордный перед нами тут...
Так проявляет странные искусства
Артель московская «Художественный труд».

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД

Торжественно отметил Новый год коллектив Молдавской музыкальной школы-десятилетки. Ещё бы! Для школы 1954 год не простой, а юбилейный. В этом году исполняется десять лет...

Но не спешите, дорогой читатель, выразить свои искренние поздравления юбилярам. В этом году исполняется десять лет бесплодных поисков пригодного здания для музыкальной школы, ютящейся в тесных комнатках.

В 1952 году ясным солнышком блеснуло решение Совета Министров Молдавской ССР:

«Предоставить музыкальной школе учебное помещение и помещение под интернат. 1952—1953 учебный год начать в новом помещении».

— Свершилось! — возликовали учителя и воспитанники музшколы. Но первую годовщину со дня принятия столь прекрасного решения они отмечали в тех же закутках.

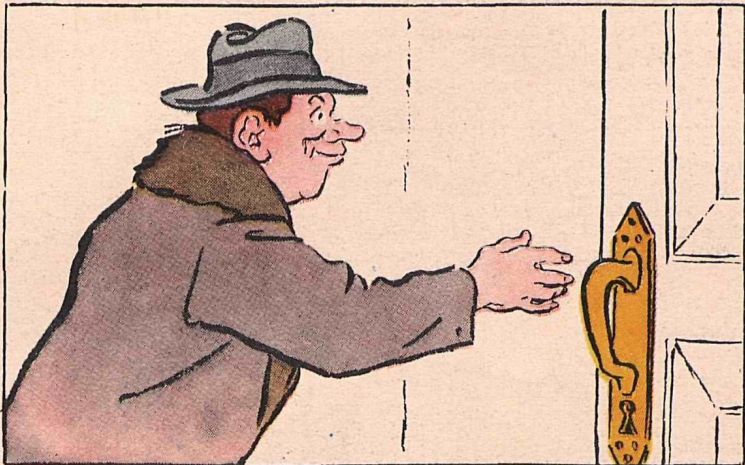
Письмо, направленное директором школы тов. Стратулатом в Совет Министров республики, совершило увлекательное путешествие по многочисленным инстанциям. За время пути бумага покрылась множеством резолюций: «Рассмотреть и добиться выполнения постановления Совета Министров», «Для создания нормальной работы», «Для принятия мер» и т. д. А завершающая резолюция заведующего общим отделом Ленинского райисполкома г. Кишинёва тов. Харабаджи предлагала депутату райсовета тов. Константинову

«...проверить на месте и подготовить ответ на заявление гражданина Стратулата о предоставлении ему... квартиры!»

Тов. Константинов не наложил никакой резолюции, — ему попросту уж некуда было направить письмо...

Вот и получается, что юбилей-то есть, а праздновать негде и поздравлять не с чем. В честь юбилея можно разве что устроить выставку с показом бюрократических резолюций, среди которых резолюция тов. Харабаджи по праву займёт первое место.

Р. КЛЕВАКИН



Как приятно войти в новую квартиру...

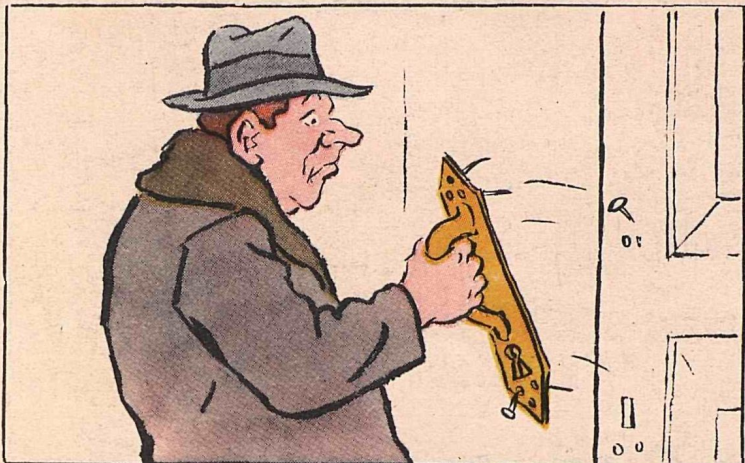


Рисунок С. КУЗЬМИНА.



— Вам как починить часы: по таксе, с квитанцией, или... получше?



Дорогой Крокодил!

Уважаемый Крокодил!

Дорогой Крокодил!

Все у нас в посёлке любят Дом культуры железнодорожников. Но особенно любят его руководящие работники района. Они даже обосновались в нём, — так сказать, поближе к культуре...

Первыми вселились в Дом работники районного финансового отдела.

Заинтересовались этим самоуправством в районной прокуратуре, настолько живо заинтересовались, что заняли почти всю остальную часть клуба, оставив железнодорожникам лишь зрительный зал и фойе площадью в шестнадцать квадратных метров.

Пять лет понадобилось, чтобы доказать «новосёлам» незаконность их действий.

Выехала наконец прокуратура, но вместо неё появились с благословения заместителя председателя райисполкома тов. Романова новые квартиранты — районный отдел народного образования и райсобес.

Нет, что ни говорите, «любят» наши районные руководители Дом культуры железнодорожников, никак не оставляют его без внимания!

Г. ДМИТРИЕВ,

депутат поселкового совета,
Посёлок Мга,
Ленинградской области.

Товарищ Крокодил!

У нас в стране справедливо гордятся продвижением на север некоторых злаков, овощей, плодов... Оказывается, в торговой системе нашей Тульской области сейчас занялись, так сказать, встречным движением. Вот разговор двух покупателей, записанный нами в Плавском районе, Тульской области:

— Слышали новость? К нам, очевидно, скоро придут северные олени и полярные лайки...

— Какие ещё лайки?

— Ну, эти... ездовые. На которых ездят на дальнем севере по санному пути; запрягут сразу дюжину лаек и едут... Неужели не читали?

— Читать-то читал, да что им делать у нас, в Плавске?

— А это уж надо спросить в райпотребсоюзе, в райторге. Ведь вот к нам на базу завезены на большую сумму собаки и олени упряжки. Согласитесь, если не появятся олени и лайки, то зачем всё это привезли?..

А может, привезли потому, что наши торгработники и кооператоры подчас работают bestолково?.. Завозят не то, что нужно? Дорогой Крокодил, проверь, пожалуйста, эту версию...

Е. КОЛТЕНЕВ,
Н. АКУЛИНИЧЕВ

г. Плавск.

Разрешить задать каверзный вопрос: как можно отметить пятилетие театра, который закрылся восемь месяцев назад, не дожив до своей второй годовщины? Между тем, если верить иркутской областной газете «Советская молодёжь», подобное фантастическое мероприятие намечается на ближайшее будущее. Ничем не смущаясь, газета сообщила об этом 2 декабря 1953 года в заметке, которая начинается словами: «Скоро исполнится пять лет Усольскому кукольному театру».

Каждая редакция, понятно, должна иметь свой портфель, то есть запас материалов, заготовленных впрок. И чем лучше работает редакция, тем обширней её портфель. Но объясни, пожалуйста, товарищам из газеты «Советская молодёжь», что заготавливать материалы на целых три года вперёд и публиковать их нестатисти и без проверки — это не показатель хорошей работы.

Л. ПРОЦЕНКО,

ответственный секретарь
газеты «Усольский рабочий».

г. Усолье-Сибирское.

Любезный Крокодил!

Приезжай к нам как-нибудь пообедать. Устроимся прямо на морском берегу и под незатихающий рокот волн угостим тебя самыми свежими яствами, только-только принесёнными с базара.

Кроме нас и тебя будут ещё начальник строительства сочинского морского вокзала тов. Пясецкий и начальник отдела кадров тов. Бобрицкий.

Ведь это им прежде всего мы обязаны такой романтикой в нашем быту!

Много раз мы обращались к этим товарищам с просьбой построить столовую для рабочих. Но каждый раз уходили не солоно хлебавши.

— Обойдётся без столовой! Базар большой. Там всего хватит! — хлебосольно отвечали руководители стройки...

Итак, дорогой Крокодил, ждём тебя с нетерпением и очень надеемся, что твоё скромное присутствие на нашем обеде возбудит у тов. Пясецкого и тов. Бобрицкого аппетит к порученной им ответственной работе.

В. ПОКАЧАЛОВ,
В. МЕЛЬНИКОВ
и другие.

г. Сочи.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 3.

Подписано к печати 31/ХІІ 1953 г.

Формат бум. 70 × 108½.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 09405.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24

Заказ № 3550.

Тираж 400 000 экз.

Возраст:
Книжная палата
Обязат. экземпля.
1954 г.

Рисунок Вор. ЕФИМОВА.

В ДВА ЧАСА НОЧИ

— Я извиняюсь... Звонила ваша мама,
она беспокоится, сделали ли вы уроки...



Вор. Ефимов - 53.